Р.Ю. Сабанчиев*

КОНЦЕПЦИЯ «МЕСТ ПАМЯТИ» ПЬЕРА НОРА
КАК СПОСОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ**

В статье рассматривается концепция «мест памяти» французского историка Пьера Нора. Автор рассуждает о том, что способ исторической реконструкции, предложенный Нора, позволяет иначе взглянуть на многие факты прошлого, очистить их от мифологизации и излишней политизации, а также переосмыслить проблемы коллективной памяти, роль личности в истории и значение исторических событий в ее существовании.

Ключевые слова: историческая реконструкция, коллективная память, места памяти, Пьер Нора, Морис Хальбвакс, Патрик Хаттон, школа «Анналов»

Pierre Nora's concept of «sites of memory» as a method of historical reconstruction.
RUSTAM Yu. SABANCHEEV (State Academic University of Humanities)

The article considers the concept of «sites of memory» of the French historian Pierre Nora. The author argues that the method of historical reconstruction developed by P. Nora allows us to look at many facts of the past in a different way, to clear them of mythologization and excessive politicization, and to rethink the problems of collective memory, the role of the individual in history and the significance of historical events in its existence.

Keywords: historical reconstruction, collective memory, sites of memory, Pierre Nora, Maurice Halbwachs, Patrick Hutton, the Annales school

О Пьере Норе российскому читателю известно не так много. Несколько его работ были опубликованы еще в 1990-х – 2000-х гг. В 2010 г. французский историк приезжал в Россию, где выступил с лекцией в РГГУ. Она носила название: «Существует ли историческая идентичность Франции?». Тема была выбрана не случайно, ведь в основном круг научных интересов П. Нора составляют именно проблемы исторической памяти и идентичности. При этом Нора, словно философ, старается найти рамки этих понятий, исследовать их природу.

Однако, прежде чем перейти к анализу методов исторической реконструкции, предложенных Нора, хотелось бы обратить внимание

читателя на серьезную исследовательскую проблему: является ли Пьер Нора представителем французской школы «Анналов»? На этот вопрос можно ответить двояко: как отрицательно, так и положительно.

С одной стороны, Пьер Нора не медиевист, в отличие от других основных представителей школы «Анналов»: средневековой проблематикой занимались Марк Блок и Люсьен Февр, Фернан Бродель и Жак Ле Гофф. К тому же некоторые исследователи были склонны считать, что эра школы «Анналов», как единой целостной структуры, давно подошла к концу. Осталась лишь методологическая база новой исторической науки. Ж. Дюби, к примеру, намекал на это

* САБАНЧИЕВ Рустам Юнусович, аспирант философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.

E-mail: silvermarker@yandex.ru

© Сабанчиев Р.Ю., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 16-03-00704.

в одном из своих выступлений, когда говорил, что под влиянием М. Фуко и волнений 1968 г. историческая наука во Франции вновь стала интересовать исключительно политикой. И вместе с тем в конце 1980-х гг. Дюби выделил три перспективных направления исследований: вспомогательные исторические дисциплины, история исторической науки и археология.

С другой же стороны, Пьера Нора можно считать полноправным наследником традиции французских анналистов. Для обоснования этого тезиса есть ряд аргументов, связанных с историей течения. Как известно, третье поколение школы «Анналов» нарекло себя «новой историей», «не афишируя разрыва с поколением Броделя-Лабрусса, подчеркивая, что они по-прежнему заняты написанием «тотальной истории» [5, с. 48]. Именно с этим поколением школы современники связывают имя Пьера Нора. И дело не только в методологии исследования. Здесь необходимо коснуться биографии ученого, ведь его жизненный путь неразрывно связан с той интеллектуальной эпохой, когда французская историография переходит на новый уровень.

У Пьера Нора была серьезная издательская карьера. Еще 1965 г. он устроился работать в знаменитое издательство «Галлимар», которое тогда было представлено на рынке в основном художественной литературой. В последующие годы Нора занимался развитием сектора социальных наук. Выполняя эту работу, он практически создал две важные коллекции: «Библиотеку гуманитарных наук» в 1966 г. и «Библиотеку историй» в 1970 г. Именно в «Библиотеке историй» публиковались представители третьего поколения школы «Анналов»: Эммануэль Ле Руа Ладюри, Жорж Дюби и Жак Ле Гофф. Помимо них в издательстве выходили работы и других видных мыслителей эпохи, к примеру, Мишеля Фуко. Пьер Нора участвует в издании ряда коллективных работ. Одна из них – «Эссе эгоисторий» (1987 г.), в которой он выступил в качестве редактора. На ее страницах представлены воспоминания о жизни и профессиональном пути представителей третьего поколения школы «Анналов» и других французских историков.

Практически параллельно этому проекту – с 1984 по 1992 гг. – осуществляется исследование, о котором как раз и пойдет речь в нашей статье. Оно носит название «Места памяти». Проект состоял из 7 томов и насчитывал около 6000 страниц текста. В его создании прини-

мали участие более сотни ученых. Однако этот монументальный труд характеризует не только Нора-издателя, но и Нора-мыслителя. Он стал идейным вдохновителем этого исследования, разработав весьма оригинальный подход к пониманию многих феноменов, в их числе – коллективная память, история и идентичность. Историк Патрик Хаттон очень точно называет этот альманах «руководством для зондирования глубинных структур национальной памяти Франции» [10, с. 348].

Что же такое «места памяти»? И почему проект «мест памяти» весьма актуален для современных отечественных гуманитарных дисциплин? Прежде чем ответить на эти вопросы, необходимо рассмотреть причины возникновения самой концепции, предшествовавшие вызовы, а также те интеллектуальные веяния, которые оказали влияние на Пьера Нора.

Французский ученый не всегда однозначно относился к своему ремеслу. По мнению Пьера Нора, историку во Франции всегда принадлежала роль руководителя национального сознания – точно также, как в Германии эту роль всегда играли философы. Однако в итоге это заявление оказалось весьма противоречивым, поскольку в одном из своих интервью Нора уверенно заявляет, что множество причин привело к тому, чтобы роль историка во Франции изменилась. Если еще полвека назад «быть историком» означало интересоваться событиями отдаленного прошлого, например, связанными с Новым временем, Средневековьем или античностью, то сегодня «совершенно очевидно, что общественный интерес, социальный заказ, да и сами историки все больше ориентируются на современный период» [8, с. 76]. Таким образом, историки утрачивают роль «хранителей прошлого» и уже больше не являются его монополизаторами. Напротив, сегодня само соотношение между историей и памятью меняется и поэтому прошлое «принадлежит многим людям, начиная с тех, кто пережил недавние события, и особенно тех, кто пострадал от них» [8, с. 76].

Изменяющееся соотношение между историей и памятью и побудило Нора создать свою концепцию «мест памяти». В одной из своих работ он проводит череду различий между этими понятиями, разделяя их. По словам Нора, память изначально представляет собой субъективную операцию: «В отличие от истории память – это эмоциональное переживание, связанное с реальным или воображаемым воспо-

минанием и допускающее всевозможные манипуляции, изменения, вытеснения, забвения» [8, с. 75]. История, напротив, операция интеллектуальная. Прошлое здесь реконструируется на основе следов.

В рамках своей теории Нора определяет память как «жизнь», носителями которой выступают социальные группы, это всегда «актуальный феномен». История, напротив, представляет собой проблематичную и неполную реконструкцию или репрезентацию прошлого [7, с. 20]. На самом же деле, антагонизм истории и коллективной памяти возник намного раньше, а именно – в XIX в. с появлением профессиональной исторической науки. Об этом пишет культуролог Аллейда Ассман: «Для всех более ранних форм историописания характерно то, что они осознавали себя как разновидность воспоминания, как сохранение памяти» [1, с. 26]. Это было необходимо, например, для легитимизации генеалогии правящей династии.

В этой дихотомии памяти и истории, предложенной П. Нора, можно проследить еще одну линию преемственности, теперь уже не историческую, а скорее мировоззренческую. Впервые подобным образом историю и память разделил ученик Э. Дюркгейма, философ и социолог Морис Хальбвакс. Кстати, он был членом редакционного комитета журнала «Анналы» еще при первом поколении школы. Однако знаменит он далеко не своими связями с представителями новой исторической науки. Все дело в том, что Морис Хальбвакс скорее был объектом критики: «Марк Блок указывал Морису Хальбваксу, основоположнику исследований памяти, что понятие «Коллективной памяти» метафорично, а потому ложно. Подобная метафора порождает представление, будто коллектив «обладает» памятью точно так же, как памятью «обладает» индивид» [2, с. 15]. Между тем из-под его пера вышла целая серия работ, посвященных проблематике коллективной памяти. Автор интерпретирует ее как совокупность представлений о прошлом, которые разделяют члены социальной группы. При этом Хальбвакс тоже указывает как минимум на несколько причин того, почему коллективная память и история (словосочетание «историческая память» Хальбвакс вообще считает неудачным) не совпадают друг с другом. Коллективную память отличают непрерывное развитие (отсутствуют строгие «разделительные черты» [9], которые характерны для истории) и множественность (историю Хальбвакс понимает как нечто «единое»).

Однако если для Хальбвакса изучение коллективной памяти и истории – вещи несопоставимые, то для Пьера Нора – напротив. Это замечает французский историк Франсуа Артог. По его мнению, Пьер Нора задумал примирить память и историю, решив при этом превратить исследование коллективной памяти в аналог истории ментальностей, но только для исследования Новейшего времени. Следует отметить, что «коллективная память» в данном случае понятие весьма широкое и размытое, наверняка именно поэтому Нора вводит другое, более конкретное, «предметное» – «места памяти». В его работах существует несколько дефиниций этого понятия, как прямых, так и косвенных.

Во-первых, места памяти – это «останки» прошлого и вместе с тем «места памяти – это «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем» [7, с. 26]. Автор пытается сказать нам, что «места памяти» – это утрачиваемое нами прошлое, которое еще живо где-то в сознании социальной группы, но в скором времени может исчезнуть навсегда, а само «место памяти» превратиться в историю, которая больше не будет поддерживаться коллективной памятью. Далее автор уже прямо указывает на причину появления «мест памяти»: «Деритуализация нашего мира заставила появиться это понятие» [7, с. 26].

Нора пытается не только описать свойства «мест памяти», но и определить их ценностный аспект, и это толкование звучит в духе постмодерна. По его словам, места памяти – это то, что поддерживает сообщество разными способами, но в то же время это сообщество вовлечено в процесс трансформации и обновления: оно ценит больше новое, а не старое, будущее, а не прошлое: «Это ритуалы общества без ритуалов» [7, с. 27]. Места памяти не появляются сами собой. У них есть причина существования: они живут благодаря желанию помнить и чувству отсутствия спонтанной памяти. «Нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [7, с. 26]. В «местах памяти» находит убежище и «кристаллизуется» сама память.

Образность помогает Пьеру Нора выразить полноту понятия: он заключает «места памяти» в рамки метафор и пытается выразить этим утрачивающийся интерес к прошлому. «Останки», «ритуалы общества без ритуалов»,

«ценности в себе» – все это придает повествованию тревожный характер. «О памяти столько говорят, потому что ее больше нет». И все же сам проект «мест памяти» имеет определенную цель: «вернуть память под контроль историков». По мнению Патрика Хаттона, в работе Нора прослеживается почерк философа-современника: «Нора увлечен не столько исторической реконструкцией, как ее обычно понимают, сколько генеалогической деконструкцией в духе той, что популяризировал Фуко» [10, с. 351]. Нора интересны не события прошлого, а их репрезентации, то есть, по замыслу Нора, историческая реконструкция должна двигаться от настоящего в прошлое.

Под понятием «место памяти» не подразумеваются какие-либо исключительно материальные объекты. Напротив, этот термин связан с глубокой интеллектуальной традицией. Память часто изображалась и истолковывалась при помощи пространственной метафоры. К примеру, Августин Блаженный в десятой книге «Исповеди» сравнивает память с «дворцами». Возникает это представление в поздней античности. Куда сильнее пространственная метафора выражена в древних мнемотехниках, которые описала английская исследовательница Френсис Йейтс в книге «Искусство памяти». Смысл их достаточно прост: для запоминания определенного объема информации риторы и ученые мужи пользовались приемом запечатления образов в определенных пространственных объектах. Этот метод еще называют «методом локусов». Ассоциативная связь содержимого памяти с пространственными объектами, будь то географические локации, улицы, расположение комнат в здании, позволяла упорядочивать хранение знаний. В этом отношении «места памяти» Нора чем-то перекликаются с древними мнемотехниками. В них также запечатлены множественные образы, сконструированные социальными группами. Ведь главный их смысл не в том, что они отсылают к определенному моменту прошлого, а в их культурной конфигурации. Места памяти – это некий конгломерат, сложная разнородная структура представлений. Именно поэтому задача историка – деконструкция таких «мест».

Подобный подход, как нам кажется, может быть обусловлен как минимум двумя причинами: с одной стороны, необходимостью разрушения стереотипных (в плохом смысле) суждений, которые часто используются в отношении бесчисленного множества исторических событий,

фигур и пространств, а с другой – борьбой с анахронизмами (которые, впрочем, могут ужиться со стереотипами).

К числу «мест памяти» Пьер Нора относит: революцию, католиков и неверующих, Марсельезу, Пантеон (в Париже), Столетие Вольтера и столетие Руссо, Похороны Виктора Гюго, Канцелярии и монастыри, «Картину географии Франции» Видаля де Ла Бланша и т.д. То есть «местами памяти» можно назвать памятники, коммеморации, территории, слова, религиозные меньшинства, пространственно-временные деления и многое другое.

«Места памяти» являются местами в трех смыслах – материальном, символическом и функциональном. Но эти модусы мест памяти весьма взаимосвязаны: «Даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [7, с. 40]. Точно так же и функциональные места, если они не наделены символической аурой, не становятся функциональными местами памяти, будь то школьный учебник или завещание. Эти три модуса всегда будто бы сосуществуют.

Этот подход хорошо проиллюстрировал в своем исследовании Мишель Винок. Его работа «Жанна д'Арк» связана с анализом памяти об Орлеанской девице. Историк приходит к выводу, что память о Жанне д'Арк представляет собой разорванную линию: «Впавшая в немилость и вырождавшаяся в период с XVI по XVIII в., она становится удивительно распространенной в XIX в.» [3, с. 239]. Более непрерывной память сохранилась в Орлеане, Домреми и Руане. В меньшей степени память о Жанне д'Арк сохранилась в Париже. В сердце Франции юная жительница Лотарингии превратилась в орудие политических битв: «Восторженная сторонница монархии, всегда приводимая в качестве примера и живого доказательства присутствия сверхъестественного в истории, априори не могла соответствовать республиканскому духу, возводящему свою генеалогию к эпохе Просвещения» [3, с. 257]. Она же стала и покровительницей ультраправых.

В каком-то смысле издание под редакцией Пьера Нора само стало «местом памяти» для Франции. К нему сегодня обращаются, скорее, как к справочнику. И тем не менее у этого проекта есть критики. Среди них – британский историк Тони Джадт, который писал: «Пьер Нора всегда твердо настаивал на том, что его проект

не должен превратиться в «туристическую прогулку по садам прошлого» – однако это как раз то, во что рискует превратиться его многотомное издание» [4, с. 56]. Джадт подчеркивал, что в проекте есть важные упущения: нет статей о Наполеоне Бонапарте и его племяннике Луи Наполеоне. Само исследование носит неопределенный характер. Его можно понять только в контексте того времени и той страны, в котором оно появилось. При этом Джадт утверждал – для французских историков это было «смутное время», когда ряд течений утратили свое влияние. В их числе оказалась школа «Анналов»: она «распалась потому, что популярные в 1960-е гг. модели анализа исторического процесса, ставящие во главу угла глубокие, почти неизменные геоисторические структуры, потеряли свою притягательность в новом культурном климате следующего десятилетия» [4, с. 69].

Спустя почти 10 лет после завершения проекта «мест памяти», в 2002 г. в журнале «Transit» была опубликована статья Пьера Нора «Всемирное торжество памяти». В этой работе он дополняет свои взгляды на проблему актуальности памяти и истории, а также исторической реконструкции. Нора пишет о том, что в последние 20-25 лет наблюдаются процессы восстановления отнятого прошлого, растет число мемориальных мероприятий, музеев, и первой вступила в эпоху «воспоминания» Франция. Одной из причин этого стал кризис 1974 г. После экономического спада страна осознала утрату своих аграрных основ – крестьянства. «Это был подлинный конец “общности памяти”» [6]. На то, что память деревни жива, указывали лишь книги. К тому же на расцвет мемориальной культуры повлияли разрыв с голлистской традицией и идейный крах марксизма.

Движение памяти Нора назвал «мемориальной эпохой». Ее появление и актуальность связаны с двумя феноменами: временем и обществом. История ускоряется, из нее «вытаскивается» удаляющееся прошлое, разрушается единство исторического времени. Прошлое перестает быть гарантией будущего, а настоящее сплочено с памятью. Причину начала «мемориальной эпохи» Нора видит еще и в демократизации истории. Помимо этого, смысловую инверсию претерпевает идентичность: из индивидуального это понятие становится коллективным. Теперь это слово стало категорией группы. Секрет одержимости национальной памятью заключается в переходе от исторического самосознания к социальному сознанию: «Вместо

национальной идентичности – торжество социальных идентичностей» [6]. Следствием расцвета памяти стало все большее использование ее в политике, туризме и коммерческой сфере. При этом мемориальное изобилие доказывает, что «прошлое утратило единый смысл и что настоящее, наделенное историческим самосознанием, неизбежно узаконивает множественность возможных версий прошлого» [6].

Таким образом, в исследованиях Пьера Нора четко прослеживается синкретизм концепций, предложенных Морисом Хальбваксом, историками «Школы Анналов» и Мишелем Фуко. Вместе с тем Нора удается создать новую теорию и успешно реализовать проект «мест памяти». Способ исторической реконструкции, предложенный Нора, позволяет сегодня иначе взглянуть на многие факты прошлого, очистить их от мифологизации и излишней политизации. Вместе с тем изучение «места памяти» позволяет глубже понять природу коллективной памяти, роль личности и события в ней, и ее демаркацию с историей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
3. Винок М. Жанна д'Арк // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 225-259
4. Джадт Т. «Места памяти» Пьера Нора: Чьи места? Чья память? // Империя и нация в зеркале исторической памяти: сборник статей. М.: Новое издательство, 2011. С. 44-71.
5. Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 года // Одиссей. Человек в истории. 1991. М.: Наука, 1991. С. 48-59.
6. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html>
7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
8. Филиппова Е.И. История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора) // Этнографическое обозрение. 2011. №4. С. 75-84.

9. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html>

10. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб: Владимир Даль, 2004.

REFERENCES

1. Assmann, A., 2014. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika [The long shade of the past: Memorial culture and historical politics]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (in Russ.)

2. Assmann, A., 2016. Novoye nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy [The new discontent with memorial culture]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (in Russ.)

3. Winock, M., 1999. Zhanna d'Ark [Joan of Arc]. In: Frantsiya-pamyat'. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 225-259. (in Russ.)

4. Judt, T., 2011. «Mesta pamyati» Piera Nora: Ch'i mesta? Ch'ya pamyat'? [Pierre Nora's "Sites of memory": Whose sites? Whose memory?]. In: Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati: sbornik statey. Moskva: Novoye izdatel'stvo, pp. 44-71. (in Russ.)

5. Duby, G., 1991. Razvitiye istoricheskikh issledovaniy vo Frantsii posle 1950 goda [The development of historical research in France after 1950]. In: Odissey. Chelovek v Istorii 1991. Moskva: Nauka, pp. 48-59. (in Russ.)

6. Nora, P., 2005. Vsemirnoye torzhestvo pamyati [Worldwide triumph of memory]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (in Russ.)

7. Nora, P., 1999. Problematika mest pamyati [Problems of sites of memory]. In: Frantsiya-pamyat'. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, pp. 17-50. (in Russ.)

8. Filippova, E.I., 2011. Istoriya i pamyat' v epokhu gospodstva identichnostey (beseda s deistvitelnym chlenom Frantsuzskoy Akademii istorikom Pierom Nora) [History and memory in the dominance of identities epoch (a conversation with an actual member of the French Academy, historian Pierre Nora)], Etnograficheskoye obozreniye, no. 4, pp. 75-84. (in Russ.)

9. Halbwachs, M., 2005. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (in Russ.)

10. Hutton, P.H., 2004. Istoriya kak iskusstvo pamyati [History as an art of memory]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (in Russ.)